

84(2Рос-Рис-412)
А69 ЦБ

Михаил Анохин

СМЕРТЬ МАТЕРИ

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

З ТМО Т. 3.600.000 З. 1204—92

84(2 Рос. Рус. - 4 Кем.) 60

А. С. С.

2/2

- 36

Михаил Анохин

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Рассказы

г. Прокопьевск

0548315

ПОДАРЕНО
от Трайчура В. Н.
22 декабря 19

43
Прокопьевская ЦСБ
Нов. ...
Склад ...

ББК 84 (2Рос-Рус)6

А 69

Анохин М. П.

СМЕРТЬ МАТЕРИ

под ред. Л. Козловой.

Прокопьевск : Ленина 33 кв. 63 2014. - 64 с.

Дизайн обложки

Л. Козловой

Автор член Союза писателей России, дипломант международных и региональных конкурсов, в своём творчестве продолжает русскую традицию в литературе.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

© Анохин М. П., 2014

© Самиздат. Ленина 33 кв. 63, 2014

ЖИТИЕ СТРАННИКА

Третьего дня я был в Духе. Говорил пням, кустам, деревьям и птицам. Потом лежал на топчане, и силы жизни едва теплились в моем теле. Духом же своим видел видения чудные, сады Эдемские. Не вставал двое суток, и не было потребности в естественных нуждах. Так бывало всегда после того, как Дух овладевал мной.

Сегодня вышел за порог своей землянки и удивился бездонной чистоте осеннего неба. Как-то по-особенному удивился, не так как раньше. Слезами умиления омыл лицо своё и возблагодарил Господа за эти слезы.

Я давно забыл, кем был до того, как ушел в тайгу, вырыл в старой медвежьей берлоге землянку и стал жить в ней. Прошрое источилось из меня за эти годы, как источается вода из дырявой посуды, капля по капле.

Разумом своим я понимал, что какое-то прошрое у меня должно быть, но я давно уже не тяготился вопросами разума. До них мне не было дела. Я молился, чтобы Дух вошел в меня, и этим жил и живу.

Первую зиму только чудом Господним не замерз, а потом привык и тело мое не замечает студеной воды и пронзающего ветра. Я часто думаю, что у меня нет тела в том понимании, какое оно есть у людей. Я редко испытываю чувство, которое известно всем: чувство голода и жажды. О сне я и не говорю, что сон, что явь -

все едино.

Когда я вернулся в свою землянку после благоговейного восприятия мира Божьего и обратил свои внутренне очи к себе, то в самом себе я услышал голос:

- Встань и иди в мир.

Голос повелительный, как голос власти имеющего, и я пошел. Куда и зачем шел - не знал, не думал об этом.

И вот я увидел людей, вернее одну одинокую женщину, мотыжившую свой огород. Вид мой был вид зверя двуногого, и она испугалась меня. Бросила свое дело и побежала в дом. Оттуда вышли двое мужчин, и в руках одного из них было ружье. Они что-то кричали мне, но я не понимал значения их крика, только почувствовал в голосе угрозу. Оказывается, я разучился понимать человеческую речь.

Страха не было, а была жалость к ним, потому что видел я, как сильно они напуганы моим видом, и когда жалость моя достигла их сердец, они пали на колени и плакали. И я плакал вместе с ними, пока Господь давал нам слезы. Омыв души свои, они ввели меня в дом свой, поставили на стол хлеб и молоко, но мне не было в том нужды.

- Кто ты и откуда? - спросили они меня. - Почему ты не ешь хлеба и молока?

И тут пришло мне понимание смысла речи человеческой. Я ответил, что пришел к людям по воле говорившего во мне голоса. Тогда они спросили меня:

- Ты - святой?

Я ответил им:

- Никто не свят, кроме Господа Бога, но они не вняли моему слову и посчитали меня святым.

Женщина сказала:

- Твой вид страшен, и люди будут бежать от тебя. Тебе нужно быть таким, как все.

Я сказал, что не смогу быть как все, но не воспротивился тому, чтобы волос моих коснулись руки женщины, вооруженные железом.

Они натопили баню, и я вспомнил, что люди умывают свое тело горячей водой, ухаживают за ним, как будто это драгоценный сосуд, а не глина, из которой Господь сотворил человека.

Это было странно. Я спросил себя в сердце своем: «Верно, ли делаю?» И не было мне ответа ни «да», ни «нет».

Потом они одели меня в свои одежды, и я долго привыкал к ним. Прожил я у этих людей с месяц, привыкая к образу мира и к мыслям мира сего.

И понял я в сердце своем, что этот образ есть образ боли, отчаяния, зависти и чудовищных потребностей.

Что этот мир во власти тела, а не во власти духа.

И был голос во мне прежний, призвавший меня идти, и сказано мне было вторично, чтобы я шел. И было велено мне идти в образе людей мира и говорить словами людей мира. Я вышел из дома и благословил кров, давшей мне приют.

И вот я пришел в большое селение, и иду я и вижу: у большого дома, роскошно сделанного, каменного, стоит толпа людей. На высоких ступеньках здания бьется в истерике женщина, а люди вокруг исполнены гнева и страха.

И спросил я о причине их гнева и страха и получил ответ:

- Мы вкладчики банка, а руководство банка не желает отдавать наши деньги с процентами. Говорят, что банк обанкротился.

- А что за женщина убивается на крыльце? - спросил я, но в ответ услышал скрытую угрозу и раздражение:

- Шел бы ты по своим делам, старик!

Они гнали меня от себя, и я пошел от них, но душа женщины открылась мне, и я понял, что хотела она получить на свои деньги баснословный барыш, и потеряла деньги и свои надежды.

Бог покарал её за алчность, как и тех, кто стоял и гнал меня. Не в поте лица, как было заповедано, надеялись получить хлеб и вино, а изощренной хитростью отбирая у других плоды труда их рук.

«Проклят сей мир!» - подумал я и плакал о мире в великом сокрушении. «Вразуми, Господи!» - просил я в тайной молитве своей, но не нашел отклика на слова свои.

- Что делать мне в мире?» - спросил я в душе своей, но голос, пославший меня в мир, молчал. Тогда я спросил свою плоть:

- Что делать мне в мире людей?

И услышал я голос плоти моей:

- Жить.

Растерян я был и не знал куда идти. И увидел я деревья ухоженные, цветы, насажденные рукой человеческой, скамейку и пошел к цветам и деревьям и сел на скамейку. Удобно было сидеть на ней, и цветы радовали глаз мой. К Господу Богу обратил свой взор, к нему открыл свою душу и ждал, когда Господь укажет мне путь и цель пути.

Остаток дня сидел, и вечер пришел, сидел и ночь, до следующего утра сидел, а утром подошел ко мне человек и спросил, как власть имеющий:

- Ты, старик, бомж?

Я не понял его вопроса, но взором своим видел в душе его кипение страстей и желаний. Несчастный человек стоял возле меня, и я открыл уста свои, чтобы сказать ему слова Господа, но Господь затворил уста мои, ибо не понял бы сей человек слов моих. Он спросил меня:

- У тебя есть документы?

И опять я не понял его. Тогда он дерзко и сильно взял меня за руку, и сказал:

- Пройдемте в отделение.

Я пошел с ним, куда он повел меня.

В отделении было много людей, одетых как он, и из разговоров понял, что это милиция, а люди, власть имеющие над другими людьми, милиционеры.

Меня провели в душное каменное помещение и

закрыли за мной железную дверь. Я остался один. Молился я Господу о вразумлении себя, ибо не знал, что мне делать. Огненный светильник над моей головой смущал меня. И тогда я покинул тело свое и вышел вон из помещения милиции, переполненного горем и ненавистью, потому что тяжело было там душе моей.

В духе своем я ходил по городу, как называли свое поселение люди. Заходил в дома и места, где торговали вещами и продуктами. Я слушал и понимал, и душа моя стонала и ныла. День и ночь и утро следующего дня я бродил по поселению в поисках радости и веселья, но не находил источников их.

Видел и слышал я смех и пение, но не душа смеялась и пела, а смеялись и пели тела людей, нашедшие источник своей радости. И видел я души людей, заросшие, почерневшие, сжатые паутиной страха, поскольку знали души знанием тайным судьбу свою.

И вскричал я тогда:

- Господи, Господи, что я для людей этих?

Но голос Господа не прозвучал во мне как обычно и не знал я, что делать мне. В этот день вернулся я к телу своему и увидел, что лежит оно в гробу и люди волокут тело мое на кладбище. Волокут тайно, ибо в страхе пребывают, что погиб я в их отделении.

Тело мое было телом мне послушным и верным, и потому я не мог согласиться с решением этих людей, называющих себя

милиционерами, похоронить тело.

И встал я из деревянного ящика, куда они меня положили. Встал и спросил:

- Пошто волочите меня? Что я вам сделал, люди, называющие себя милиционерами?

И оставили они повозку, на которой везли, и убежали, а я пошел.

И пришел я на свое старое место, где росли цветы и была скамья, и сел там. И так сидел весь остаток дня и ночь, а утром к месту моего сидения пришла толпа людей, и один из толпы вышел и сказал мне:

- Кто ты, восставший из мертвых?

Я поглядел на него и понял, что он знает о том, что меня волокли на кладбище. Удивился я сказанному и спросил:

- Отчего говоришь, что восстал из мертвых, когда был жив?

- Так все говорят, - ответил он.

- Не знаете, что говорите, ибо не я был мертв, а вы мертвы.

Ясное сказал, но удивились многие сказанному и спрашивали меня, отчего я считаю их мертвыми, если они живут?

- Тела живут ваши, это верно, но человек не есть тело. Тело человеческое приходит и уходит, как дым. Дымом живете вы.

И опять они не поняли ясного. И опять спрашивали меня, что есть жизнь, а что есть смерть.

- Тело человеческое, если оно не взнуздано душой, есть смерть, - сказал им, - а жизнь

человеческая в душе его.

- Тогда, - спросили они, - кто ты?

Словно не видели образа своего во мне, образа и подобия Господа нашего.

- Человек я, - ответил им, но они усомнились. Говорили разные слова обо мне. Слова бессмысленные, глупые, надуманные умом горделивым, вознесшимся в своей гордыне.

И было мне предложено хлеб и вино, и кров в доме говорившего со мною. Но я не пошел в дом его, ибо понял, что человек этот хочет выгоду иметь оттого, что я буду в доме его. Смешные вещи говорил он, стараясь убедить меня.

- Вам нужен кров и хлеб. Всю жизнь не просидишь на этой скамейке в сквере, - и даже угрожал. - Вас снова арестуют как бомжа.

Но, поняв, что я плохо понимаю, о чем он говорит, принялся мне объяснять, что лица без документов, без крова и без средств к существованию именуются бомжами.

- Откуда ты знаешь, в чем я нуждаюсь?

Спросил его внятно на языке его, но он и этого не понял и принялся убеждать меня, что все люди нуждаются в тепле и хлебе.

Я ответил ему, что только те, кто служит своему телу, а мне довольно и того, что дает мне Господь.

Опять он ничего не понял и надоел мне, поскольку видел я, что не света он ищет, а выгоды. И сказал я ему:

- Иди и не гречи.

Как сказал когда-то Сын Божий, но и этого он не понял. Душно мне было от толпы, обступившей меня, и встал я и пошел прочь, и пошли за мной некоторые. И шел я так, пока не вышел за пределы поселения и несколько человек шли за мной. И сказал я им:

- Зачем вы идете за мной? Что я вам?

И был ответ от них:

- Идем, чтобы ты учил нас.

- Как же я буду учить вас, если вы погребены под телами вашими? Как мне учить вас, если помыслы ваши все о телах ваших?

И увидел я, что тела их немощны и оттого жаждут тела их силы жизни и радостей.

И сказал я им, что не учения моего они хотят, что нет у меня учения, кроме того, о чем проповедано было Иисусом и пророками, а идут они за мной в надежде, что исцелю недуги их.

И сказали они:

- Истину говоришь ты. Так мы хотим.

Просили они у меня исцеления, и тогда я сказал им:

- Зачем вы жаждете здоровья, если Господь наложил на вас руку свою? Разве не знаете, что немощью тела оберегает Господь избранных своих от еще большего греха? Разве не известно вам, что в здоровом теле больная душа? Разве мало вам того, что сделали вы по неправде своей?

И еще говорил, но и эти ничего не поняли из сказанного, кроме одного, что я не целитель. И

отстали они от меня, и пошел я дальше. И вот обернулся и вижу - один идет за мной. И сел я на то место, где стоял, и открыл Господу душу свою и был так до утра, а человек тот оставался около меня.

Утром спросил его:

- Что тебе от меня надо?

Он ответил:

- Ничего. Только не прогоняй меня.

Я сказал:

- Так и будет.

И пошел дальше. И видел я, как вопит и хнычет его тело и требует пищи. В растерянности был я, не зная как поступить, ибо власть тела над человеком огромна и без помощи Господа не преодолевается. И сделал так, чтобы окрепла воля его.

И когда пришли мы в одно село, я сказал ему:

- Пей и ешь, так как слаб ты и по слабости своей не перенесешь того, что могу я.

Спросил он меня:

- Как ты можешь не есть и не пить и нужд человеческих не справлять? Откуда у тебя сила идти?

- И ты не понял? А идешь за человеком, не зная, откуда у него сила.

- Я думаю, - сказал он, - что сила твоя от Господа и потому иду за тобой в тайной надежде, что научишь меня служению Господу.

- Умеешь ли ты обращаться к Господу в душе своей? - спросил его, хотя знал истину, но мне нужен был ответ его.

- Я ходил в храм и молился там, - сказал он.
- И плакал ли ты там в радости очищения души своей?

- Нет, - ответил он, и была в его словах истина, и не лукавил он предо мной по природе человеческой.

В том селе он ел и пил, а я смотрел и видел, что ест он без жадности и утоляет жажду свою вполовину того, что требует тело.

И вышли мы из того села, и шли. К вечеру сказал ему:

- Возьми руку мою и встань рядом со мной на колени свои.

И сделал он по слову моему.

- Смотри, - сказал я, - видишь небо и мир, сотворенный Господом? Какого еще храма ищешь?

- Научи меня молитве своей, - сказал он. - И я помолюсь с тобой Господу Богу.

- Нет у меня молитвы для тебя, - сказал ему. - Ищи слова в душе своей и мысленно обращай их к Господу. Будет его благоволение и даст Он тебе слова молитвы твоей.

И вознес я душу свою Господу, и взяла душа моя его душу, но каменная была душа человека сего многогрешного, и не смогла сила души моей оторвать душу его от земли. И спросил я в душе своей Господа:

- Что мне этот человек?». И получил ответ:

- То брат твой, в грехе пребывающий, не оставляй его.

И стояли мы так с человеком тем до захода

солнца и были слезы обильные на лице того человека. И сказал он:

- Как легко, как торжественно стало на душе моей.

Промолчал я тогда, потому что не нужны были слова.

Так ходил я по стране и бывал в городах, и были со мной случаи похожие на тот, когда меня арестовали милиционеры.

Остановливался я в скверах и парках, и приходили ко мне власть имущие, и арестовывали тело мое. Но тот, кто ходил, со мной говорил им, что я отец ему. И показывал начальникам страж свои документы.

Когда же вокруг нас собирались люди и вопрошали, кто я, он говорил им, что я - учитель его. Когда спрашивали:

- Чему он учит? – отвечал, что я учу любви человеков к душе своей.

- Непонятное и несуразное излагаешь ты, - говорили они и многие уходили прочь.

И привел меня Господь в храм свой роскошный, высокий и богатый. И узнали там меня по делам моим, обступили и спрашивали меня люди в одеждах священнических.

- Кто ты? - спрашивали они, потому что были как человеки слепы.

- Если ты, как говоришь, веришь в единого Господа Христа, Сына Божия, Единородного, рождённого от Отца прежде начала всех веков, как Свет от Света, как Бог истинный от Бога истинного, так и он рожден. Не сотворён

единосущный Отцу и им же всегда был.

Если ты веришь, что ради нас, людей и ради нашего спасения с небес сошел и, воплотившись от Духа Света и Марии Девы принял образ человеческий. Если ты веришь в Распятого за нас при Понтии Пилате и принявшего крестное страдание, и погребенного, и воскресшего в третий день по Писаниям. И вознесшегося на небеса, и севшего по праву руку Отца.

Если веришь в Того, кто в предстоящие времена во славе своей будет судить живых и мертвых, то почему обходишь храмы стороной и не принимаешь святого причастия тела, и крови Христовой?

Так они спрашивали меня.

И отвечал я им, что принимаю причастие от Духа Святого, по его воле, когда он хочет причащать меня.

Но возмущились обступившие меня и сказали:

- Ложное изрекают уста твои. Богохульствуешь ты в гордыне своей!

- Так ли? - спросил я их. - Ведь сказано еще Иоанном, что придет тот, кто будет крестить Духом Святым?

- Уж не ты ли?! - вскричали многие.

- Не я, - ответил им, - а Иисус. Почему вы сомневаетесь в том, что Господь может причащать человека Духом своим так, как сочтет нужным? Разве не говорил Иисус своим обвинителям, что Господь есть господин субботы, а не суббота госпожа Господа? С чего

вы взяли, что я отвергаю таинство даров святых? Я говорю, что не в каждом храме вино и хлеб преобразуются в плоть и кровь Христову.

- Что мелет! Что мелет твой язык нечестивый! – вскричали они.

- Разве не почиет Дух Святой в наших храмах?

- А разве я сказал это? Известны же вам слова Стефана и пророков: «Всевышний не в рукотворных храмах живет».

И ещё говорит пророк: «Небо - престол Мой, и земля - подножие ног Моих». «Какой дом созиждете Мне, - говорит Господь, - или, какое место покоя Моего?»

И сказал я им, что там дух Божий, где праведник.

И опять они бранили меня и спрашивали:

- По какому праву ты говоришь дерзости?

Но не стал я пререкаться с ними и сказал я им, носящим одежды священничества:

- Пусть тот, кто считает себя верным Господу, причастит меня и исповедует. Он узнает, есть ли во мне гордыня, о которой так много говорили языки ваши.

И стояли они в смущении. Был один из среды их, убеленный сединой схимонах, и знал, что чист он перед Господом, как могут быть чисты люди. И сказал я ему:

- Отче, дашь ли ты мне вкусить даров святых?

И был ответ его:

- Ты знаешь.

Очень удивились ответу его, кто нападал на

меня.

- Что ты говоришь!? - спрашивали его.

- Что сказал, - ответил он. - Оставьте этого человека, ибо не нам его судить, а Господу. Не церковь устанавливает законы для человека, а Господь.

Так он сказал и вышел, и ушел, откуда пришел. И я вышел из храма сего, и пошел своей дорогой.

Вечером окружили меня, люди власть имеющие, и сказали мне, что правитель страны желает, чтобы я предстал пред очи его. И спросил я:

- С телом моим желает встретиться ваш господин или с духом моим?

Не поняли они простого вопроса и потащили, поволокли тело мое в повозку, и увезли его, а тот человек, который сопровождал меня, бежал следом. Тогда вышел я из тела своего и пошел вслед за ним. Дотронулся до плеча его и спросил:

- Куда и зачем бежишь?

Остановился он на бегу своем, посреди улицы шумной и пыльной, посреди улицы полной народа и спросил меня:

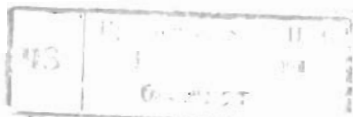
- Кто ты, остановивший меня?

И сказал я ему:

- Я тот, за кем ты ходил все это время. Не беги, ибо я рядом с тобой пребываю.

И сел он в тени деревьев и сидел так, а я был с ним. И сказал он мне тогда:

- Что будет с телом твоим?

- Что тебя так волнует тело мое?

И тут вижу, подходит к нам человек и говорит:

- Тебя видели вместе с тем стариком, которого арестовала милиция. Ты бежал вслед.

- Истинно так, - ответил он, - но в чем его и мое преступление?

Человек тот замялся и сказал:

- Человек тот умер в машине, пока мы везли его.

- Отдайте тело мне, я схороню его, - сказал он.

- Что Вы знаете о том человеке? - спросил его страж.

- То, что интересуется власть, того я не знаю о нем.

- Говоришь ты загадками, а кто ты сам?

- Вот паспорт мой, - и он протянул ему книжицу.

Человек посмотрел паспорт и сказал:

- Почему же ты ходишь вслед этому человеку, о котором говорят разные разности?

- Потому, что мне хорошо подле него.

- Если ты скажешь, кто он, то я отдам тебе его тело, - сказал человек с кривыми мыслями и черной душой.

- Я сказал, что не знаю, кто он и откуда, и как его звать. Что ты хочешь еще?

- Я арестую тебя и допрошу, - пригрозил страж.

И увидел я, что это плохо кончится для того, кто ходил вслед меня, и сказал я тогда в ухо стражу так, что он слышал меня:

- «Оставь его. Он не сделал ничего дурного, как делаешь ты в каждый час жизни своей.

Испугался страж слов моих, вскрикнул и упал у ног человека, ходящего вслед меня.

- Плохо ему! - крикнул тот, и на зов его подошли люди и увезли стращавшего арестом. А я вернулся к телу своему, лежащему среди других тел в обширном помещении, и услышал я, что намерены люди в помещении этом разрезать тело моё, чтобы установить причину смерти моей.

И вернулся я в тело свое, находящееся в опасности. Встал я с ложа моего, на котором хотели разрезать тело мое, и сказал я:

- Что оно для вас сделало, что жаждете разрезать его на части?

И побежали они от меня с криками, а кто остался, побледнел и онемел. И ушел я из здания сего, облачив тело свое в одежды свои. И пришел я к тому, кто ходил вслед меня, и сказал я:

- Вот я в облике тела моего.

И рад был тот и обнимал меня, и плакал от радости. И почувствовал я тогда жажду тела своего и пил и ел вместе с ним по мере своей. И было это на третий месяц, когда я вышел из глубины лесов. И остановились мы с человеком тем в обширном парке и жили там несколько дней, и люди обходили нас стороной, спешащие по делам своим, по нужде тел своих. И нашли, и пришли к нам снова люди, власть имущие, и сказали:

- Высшее должностное лицо государства желает видеть тебя, старик, в теле и духе.

И сказал им:

- Вот я. Что же мешает ему увидеть меня?

Смутились они и стали между собой совещаться и сказали мне, что не принято у них такое, чтобы сам президент ходил, а все ходят к нему. И сказал я им:

- Кто же нуждается, в ком?

И опять они говорили между собой, а потом покинули нас, и понял я, что не дадут они покоя мне в городе этом. И ушел я из города и пошел в поле. И был в поле, пока не наступила осень, и не пошел снег.

Сильно страдал человек, кто ходил со мной, и жалко мне стало его, и сказал я ему:

- Вон, видишь на взгорке, стоит монастырь. Иди туда, постригись в монахи и усмиряй плоть свою, доколе не станет она в твоей власти. Пропадешь со мной, ибо Господь не дает тебе должной силы по промыслу своему.

- Пойдем и ты со мной, - сказал он.

- Что мне там? - спросил его, но он не ответил мне как должно.

И сказал я:

- Разве не понял ты, что этого мне не нужно?

Но человек сей, сказал, как человек:

- Я привык к тебе, и мне будет не хватать тебя.

- Разве ты меня ухватил? - спросил я его.

- Возьми в горсть ветер или воду, удержишь ли их в горсти своей? Вода просачивается в те места, где есть для нее место и так же дух мой приходит туда, где в нем есть нужда, по воле Господа.

Не оставлю тебя, где бы я ни был и откуда бы ты ни воззвал к душе моей. Если на то будет

воля Господа, приду.

- Разве не сам ты волею своей ходишь по земле? - спросил он.

- Нет, - ответил ему, - не сам. Только грешит человек по воле своей, подчиняясь требованиям необузданного тела. Остальное в воле Господа нашего Иисуса Христа.

И еще сказал ему, прежде чем ушел он:

- Пойдешь, куда я послал тебя, и помни, что посылаю тебя на поношение и унижение, на работу тяжкую, на обиды горькие, на суды скорые и неправые, на болезни и тяготы тела твоего. Мера их - в руке Господа, в промысле Божьем относительно тебя. Но не отступай! Это как путь в гору, чем дальше, тем круче и опаснее. Сорвешься и упадешь ниже того, где ты есть. В бездну упадешь. Держись. Нет в царство небесное пути, кроме указанного Христом. Дерзай!

И ушел он по слову моему и так сделал, как я ему сказал.

И пошел я дорогой своей, и где шел, там вид мой смущал людей и власть. И были мне обиды многие, и притеснения разные, и чувствовал я в себе самом, как истончается во мне благодать Божия и растет раздражение на людей, меня притесняющих...

И вот иду я и вижу: сидит на берегу реки юноша и горько плачет. Убивается сердце его, уязвленное и обманутое девушкой. И горе его огромно, неподдельно. Вижу, вьются возле него бесы, толкаются, как мошकारа перед ненастьем.

И пьют бесы взалхлеб горе его, как комары кровь всяческого живого существа. В слепоте своей плачет юноша, как плачет слепой о потерянной дороге, не ведая, что оканчивается дорога его пропастью.

И говорит в себе самом юноша тот:

- Зачем жить? Утоплюсь!

И ликуют бесы от мыслей тех. Немеет душа его от страха перед мыслями теми и колеблется он. И вижу я, что испытывает его Господь, ибо избран сей юноша из среды людей промыслом Божиим.

И отступил я, не решаясь вмешиваться в испытание. И вижу, чудным образом, зрением своим, что этот юноша некто иной, как я сам. И вижу я, что это не я стою над ним, а ангел хранитель, посланный Господом каждому во крещение его.

Не своими глазами вижу, а глазами ангела вижу. И только понял я это, как исчезло, разом видение и не уразумел я смысла его. И воззвал я к Господу Богу:

- За что ослепил меня?!

И дерзок был крик души моей и совершил я грех перед лицом Господа, как всякий смердящий. И уныние охватило меня на месте том, и взалкал я еды и питья, и тело мое ощутило холод пространства, а ступни ног моих остуду земную. И был мой второй грех хуже прежнего, и сел я на месте том, где стоял.

И сказал я в душе своей: «Не сойду с места сего, пока не вымолю у Господа прощения»

грехов своих».

И открыл душу свою к Господу и сказал: «Вот я».

И сидел так ночь и день, преодолевая холод и вопли тела моего ожившего к жизни своей. И было мне искушение на месте том вдвое, втрое сильнее прежних.

Видел я в мире этом место своё. Видел я, что мог бы остаток дней своих провести во славе и почете, улаживая прихоти тела своего. И так сладко показалось мне видение то, что потянулся мысленно к нему.

И открыл мне Дьявол пути свои и видение одно соблазнительнее другого проплывали предо мною. И мучился я ими чрезвычайно. И дрогнула во мне сила веры моей, ибо попустил этому Господь. И стал я, как человек, не познавший Господа. Как человек, я был на месте том!

И вскочил я и побежал с места этого в страхе, что служение мое Господу было делом ума моего, отягченного обидами. Делом воли моей самочинной и самозваной! И впал я в безумие, и стал упрекать Господа. И было так. Прозревает человек в молчании одиночества, глубиной молитвенного сокрушения, но очищается он окончательно только в миру. Не все долги мои прошлой жизни моей оплачены были. Остался остаток самый горький и Господь воззвал ко мне в чаще лесной отдать этот остаток.

Не к исправлению мира призвал Господь, а к

последнему искусству, самому страшному из всех. К славе мира сего! Ибо много грешил я в жизни прошлой жаждой известности и славы мирской. И вот Он дал мне в руки мои возможность вознестись к этой славе.

- Учение создашь своё, - нашептывал Дьявол в ухо мое, и растревлялось сердце мое этим. - Стези выправишь человеческие в мире сем, ибо видишь ты, как покривились и скособочились церкви Христовы.

Ушел я в безумие свое от сего искушения. Увидела душа моя, что ослабел я, и спасла самоё себя и суть мою сумасшествием тела моего. И разум, смущавший меня, угас. И поймали меня и увезли в дом скорбных духом. И пытали там тело моё, и мучили его, а потом оставили свои мучения.

Господь вернул мне разум на дни короткие, остатние. И вот знаю, что пришел мой час оставить прах тела своего земле, как гусеница оставляет свое тело куколке, прежде чем превратиться в бабочку. В бабочке есть образ и подобие умершей гусеницы, но раньше она питалась плотью листа, а сейчас нектаром, раньше она несла гибель, а сейчас, опыляя цветы, несет буйноцветие красоты. Охо-хо мне! Ибо не понимаю, зачем в эту красоту откладывает она яйца будущих гусениц! Догадываюсь, ибо не быть смертному свободным даже на пике своего духовного раскрепощения! Зачем, о Господи?! Верую в премудрость твою, но не могу уразуметь твои

начала и концы! Но, да будет воля твоя, а не моя!

Людам же обступившим меня, говорю: путь свой оканчиваю. И по воле Господа нашего, в поучение тем, кто ищет путей к Господу, выводит моя старческая рука эти письма.

Ухожу я слезно, на коленях своих прошу, прежде всего, своих гонителей и мучителей, всех кто раздражен на меня, кто ненавидит меня по праву и облыжно: «Простите мне, люди жестокосердные, одержимые злом и ненавистью, что стал причиной невольною, по глупости своей или по гордыне сердца своего, причиной вашей злобы и ненависти. В слезах умоляю вас простить меня с той глубиной искренности, с какой я прощаю вам. И тех прошу, кто не знает меня: простите мне, люди, за дела жизни моей».

И у Господа прошу: «Покаяния двери открой мне, Человеколюбче!».

* * *

- Ну и что мы будем делать с этим сочинением сумасшедшего? - спросил мужчина в белом халате, затягиваясь сигаретой. Напротив него в кожаном кресле сидел невзрачного вида человек в вельветовом костюме и парусиновых туфлях.

- Вы продолжаете считать его сумасшедшим, профессор? - спросил он и отмахнулся от дыма.

- Э, батенька мой, поработали бы Вы с мое в

практической психиатрии, то не такое бы увидели и не такие сочинения почитали бы, - ответил мужчина, складывая в стопки листки бумаги и продолжил:

- Вы господа-теоретики, а мы, так сказать, «черная кость»... Надо сказать, в чем-то Ломброзо был прав: психопатические, маниакальные состояния дают потрясающую картину гениальности.

Профессор был в годах, поджар и имел взгляд острый, пронзающий. Когда-то, в молодости, ему прочили карьеру эстрадного артиста-гипнотизера, но судьба решила по-своему.

- Все, дорогой Георгий Павлович, - обратился он к сидящему напротив его мужчине тех же лет.

- Все! Дело можно сдать в архив, ну, и сочинение это туда же присовокупить...

На этом он чуть запнулся, глянул на невзрачного, и сказал:

- Впрочем, - это ваша идея дать ему бумагу и авторучку, так что смотрите...

- Если вы, Василий Петрович, не возражаете, то я заберу, как вы изволили сказать, это сочинение себе.

- Как пожелаете, - профессор вытащил еще одну сигарету и отошел к окну. - Скажите, если не секрет, зачем оно вам?

- У меня есть знакомый священник, хочу показать ему. Как-никак тут речь идет о делах веры. Своё рода житие...

- И что же? - с любопытством спросил тот, кого звали Василий Петрович. - Вы, простите меня, что? В церковь ходите?

И помедлив чуть, махнул рукой:

- Ладно, ладно! Не отвечайте. Это нынче модно стало в церковь ходить. Раньше правительство в Большой театр ходило, а нынче в храмы... Ну и мы, следом...

Наступила тягостная тишина в кабинете. Собеседники молчали. Василий Петрович попыхивал сигаретой, стоя у раскрытого окна.

- Н-да! - наконец сказал он и повернулся всем корпусом к собеседнику. - Разумеется, коллега, есть тайна в том, что человек, умерщвляя свое тело, приобретает над ним неслыханную власть, но, согласитесь, требования положительной жизни... Человек все-таки социальное существо, а не духовное...

- Дорогой Василий Петрович, я ведь тоже учен. Как-то, знаете, неловко... - он потянулся к столу, осторожно взял со стола листки бумаги, сложил их в старомодный портфель.

- Если позволите, то еще есть одна просьба. Я хочу вас просить об одном одолжении: пусть тело умершего полежит день-два в морге. То есть в печку то не отправляйте, пока...

- Неужели вы верите в эти бредни о воскресении из мертвых? - удивился профессор.

- Ну, знаете, не ожидал! Удивили, батенька мой! Вы, человек, так много сделавший в науке о человеке?

Но собеседник его промолчал. Василий

Петрович обидевшись, перешел на деловой тон:
- Воля ваша, если вы на этом настаиваете...

* * *

На третий день после разговора в кабинете главного врача психолечебницы в местном кафедральном соборе состоялась панихида по усопшему. Священноначалие было удивлено тем, что отслужить службу взялся известный схимонах Варсавий.

Еще памятна была всем встреча со странствующем аскетом. Все еще помнили странную позицию старца, не осудившего, как должно, гордыню пришедшего в храм. Да и само появление усопшего в кафедральном соборе смущало души священноначалия. Кто он? Откуда? Только авторитет старца и его слезные просьбы смирили священноначалие и оно позволило ему отслужить панихиду.

- Пусть служит, - сказал настоятель храма.

К удивлению присутствующих на панихиде, схимонах Варсавий перед началом службы встал на колени перед гробом усопшего и сказал:

- Помяни имя мое, како предстанешь пред Господа.

И показалось, что некий голос, как дуновение легкого ветра, прошел по собору и поколебал огни свечей. И говорят, что явственно слышали:

- Имя твое по многим страданиям твоим в руке Господа. И мне отпусти грехи мои.

Погребли тело в освященной земле и память о человеке том, исчезла из среды людей.

Правда, слышал я, что на могилу его приходят люди и получают там исцеление, но не телесное как обычно, а духовное. Впрочем, сам я не был там и пишу эти, окончательные строки с чужих слов.

Сам же пребываю в растерянности и недоумении с той самой поры, как мне, через десятые руки, попала папка с рукописным текстом, озаглавленная «Житие некого странника».

2001-2003

годы.

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Деревня Урядино, где до конца прошлого века проживал Сёмочкин Василий Никанорович, располагалась посреди сибирских лесов, но пахотными местами выходила в черноземную степь.

Удобное, во всех смыслах, местопредрасположение села развило в деревенских вкус к жизни и потому детопроизводство, а также разные подсобные виды деятельности, как-то пчеловодство и огородничество, были в чести у них.

Сёмочкин работал в колхозе на всяких трудных работах и считал, что так оно и должно быть, что работа трудная, а хлебушек сладок. Он видел в работе смысл жизни и потому никогда не отказывался, не уваливал от труда. Колхозное начальство отмечало его труд

похвальными грамотами, а Семочкин складывал их в стопку в «красном углу» горницы, как раз под непрозрачной от времени иконкой. Матушка Сёмочкина была верующей, а отца не было, потому как отец геройски погиб, защищая от фашистов Москву. Василий еще только пузыри пускал в зыбке и потому в пору своего младенчества не понимал героизм отца. Мать, оставшись вдовой, в одиночку поднимала его на ноги и обучала уму-разуму.

В той же горнице, под стеклом, наклеенные на картонку глядели на Сёмочкина и на его повседневную жизнь родственные ему люди. Сёмочкин настолько к ним привык, что не замечал их взглядов, разве что когда в горнице требовалось побелить стены известью, чтобы свету стало больше, и известковый дух перебил запах пыли и тлена. Тогда приходилось все выносить во двор, под солнышко, чтобы оно своим теплом оживило старые вещи, вдохнуло в них желание продолжать жизнь. А она протекала неспешно, обычным, искони заведенным порядком: старые люди упокоивались на сельском кладбище, а из роддома привозили новых. Сёмочкину из роддома никто никого не привез, хотя матушка его Пелагея Яковлевна подходила уже к тем годам, когда старые люди присматривают себе место для упокоения.

«Ты, Васенька, - говорила ему мать, - меня под березкой-то не ложи, березка-то из земли сок тянет, а я не желаю, чтобы из меня сок тянули.

Ты меня положи в чистом месте, чтобы мне небушко ничто не загораживало, чтобы светло было мне днем, а ночью звездно».

Сын обещал матери исполнить просьбу и даже уважил старую, сходил на кладбище, и там они выбрали место.

«Вот ты, Васенька, вовремя не женился, - упрекала его мать за вхолостую прожитую жизнь, - так тебя чужие люди хоронить будут, а уж меня - ты схорони».

С женитьбой у Василия Никаноровича не заладилось сразу, как он пришел из армии. Тягота армейской службы сказалась на его мужских способностях, а высокое армейское начальство запретило Сёмочкину разглашать «государственную тайну» такой неприятности. Василий, чтобы не иметь конфуза от особ женского пола, избегал их настойчивого преследования, но этот мужской дефект никак не сказывался на его труде, а напротив придавал ему сосредоточенность и упорство.

Когда мать заводила разговор о своей смерти или о том, что сын бобылем живет, очень от таких слов было на его душе пасмурно. Сёмочкин плохо понимал, отчего тягость в душу приходит, когда матушка зачинает такие разговоры разговаривать. Не любил Сёмочкин разговоров, он больше любил чего-нибудь руками делать, а когда рукам дела не находил, то сильно страдал от этого. Другие-то на деревне бражку пили, а кто и водочкой баловался, а уж поговорить или песни какие

попеть - таких любителей хватало. По тому, что руки Сёмочкина всегда скучали по труду, то соседи, заметив такое свойство его рук, а также молчаливость и всегдашнюю трезвость, приглашали его в свободное от колхозного труда время на свое подворье подсобить в работе.

И столько было охочих и сострадательных до скуки рук Сёмочкина людей - страсть! На собственное подворье времени у него не оставалось, разве что старуха-мать иной раз крикнет на очередного просителя труда Сёмочкина:

- Глаза бы у вас повылазили! Заездили парня, проклятые! Что у него дома дел нет?

Тогда Сёмочкин трудился на собственном подворье, которое не в обиду другим было обихоженым, взять сарай для коровы или курятник, или хлев для свинки - все было сделано на совесть, прочно, словно Сёмочкин решил жить два века.

Сёмочкин знал всю мужскую работу и даже такую мудреную, как класть печи, чтобы и дров мало ели, и тепла неугарного в дом давали достаточно. Но он плохо соображал насчет своей выгоды, и потому для сельчан труд Сёмочкина измерялся только их совестью. И еще Сёмочкин очень боялся всякого рода начальства и робел перед ним. Такое природное расположение свойства Сёмочкина затрудняло его движение к новому, непривычному порядку вещей, какое

приключилось внезапно, по причине объявленных властью реформ.

Матушка его, Пелагея Яковлевна, узнав об этом от соседки, у которой в доме стоял телевизор, перекрестившись на образок, с дрожью в голосе прошептала: «Всё, Васенька, теперича грабить зачнут», - и как в воду смотрела.

Поначалу грабили незаметно, даже никто не понял, что грабят. А потому не заметили, что в колхозном деле только поздней осенью заработанное выдают, а когда реформы начались, то в правлении колхозникам сказали, денег нет, а продукция, что они наработали сообща, вся ушла в счет погашения кредита.

Так умно сказали, да и ни кто-нибудь, а сам Пал Палыч, председатель колхоза, сказал, что только единицы поняли сказанное. С той поры и пошло так: «не украдешь - не проживешь». Тащили из колхозного добра, каждый по своей способности и разумению смысла жизни. По осени наезжали в село городские люди и покупали у селян мед и огородные овощи, а взамен оставляли бумажные деньги. Деньги были красивыми, прочными, но быстро выходили из употребления. Новые деньги были также красивыми и прочными, чего не скажешь о ценах в сельмаге. Цены совсем сбили с толку жителей Урядина и, чтобы окончательно не растеряться в этом вопросе, сельчане всё на свете начали считать в поллитрах. Например, новые кирзовые сапоги Сёмочкина стоили три поллитры. Смекалистые стали ставить брагу на

самогон и тем самым пускали в оборот собственную монету.

Для Сёмочкина беда нынешнего положения вещей состояла в том, что он не умел красть, и потому жизнь его в материальном плане резко ухудшилась, хотя нагрузка на труд рук его оставалась прежней. С другой стороны, Сёмочкин не мог красть по причине боязни начальства. Мать-старуха не раз говорила ему, попрекала тем, что сын не соображал своей выгоды. Пока Пелагея Яковлевна была в силе и выходила за пределы двора, то, как могла, поправляла несообразительность сына, но с началом реформ совершенно ослабела.

Сёмочкин же исправно ходил на колхозную работу, несмотря на приключившуюся реформу. Ходил и год, и два, и вот уже третий годок пошел его молчаливого хождения на общественный труд, как приключилась смерть его матушки.

Умерла она под утро, когда сын собирался на колхозную работу, а матушка его по обыкновению не вышла на кухню, чтобы проводить сына. Очень тогда Сёмочкин растерялся, потому как не было у него опыта хоронить кого-либо. И еще он испугался, что опоздает на колхозную работу и начальство будет им недовольно.

Вот так он впервые по своей воле зашел к соседу и рассказал ему про такую беду. Сосед, Черепухин Никанор Кузьмич, знал, что в таких случаях нужно делать. Он сказал Сёмочкину,

что ему не следует бояться начальства, так как дело его уважительную причину имеет.

«Перво-наперво, - сказал Никонор Кузьмич, - нужен гроб, а во- вторых, нужно купить водки в сельмаге». И поинтересовался, есть ли у Семочкина деньги? Деньгами в доме заведовала его матушка и потому от такого прямого вопроса Семочкин очень даже огорчился, так как не мог сказать, есть ли деньги.

«Эх ты! Душа твоя проста! Как же так, до пятидесяти лет дожил, а таких понятий не имеешь?».

Вместе с Никанором Кузьмичом произвели в доме обыск и обнаружили несколько десятков старых денег и книжку сберегательную, на которой было записано две тысячи рублей.

«Дуй в район и объясни там свое положение», - сказал Черепухин и для пущей верности и надежности дал в сопровождение Семочкину своего сына Димку, который учился в районе в десятом классе.

Пока Семочкин ехал в район на попутной машине, сберегательная касса оказалась уже запертой. Димка ушел заночевать к своей тетке, а Семочкин пристроился на крылечке и всю ночь думал о жизни и смерти.

Занятие думать было непривычным, а самое главное томило безделие, и не было в его теле привычной усталости, клонящей ко сну.

О чём и как думал Семочкин, о том нам неизвестно, но только утром нашла его на

крылечке сберкассы заведующая, Агапова Нина Михайловна, и очень удивилась, обнаружив спящего мужчину рядом с дверью.

Она сказала: «Вы почто спите в неполюженном месте и, накерное, в нетрезвом виде"»?

«Нет, - ответил ей Сёмочкин, - это я от горя и бессонницы сомлел, вас дожидаясь, и трезв я по причине того, что не пью"».

«Насчет «не пью» - это вы зря сказали, но, учитывая ваше горестное состояние, я на такую глупость внимания не обращаю. Только зря вы меня дожидаетесь, - сказала Нина Михайловна, поворачивая ключом в замочной скважине. - Нужно радио слушать и телевизор смотреть, потому как сказано было всем, что вклады «замораживаются».

Долго соображал Сёмочкин у той двери ответ Агаповой, пока не пришел Димка. Парнишка попробовал растолковать заведующей сберегательной кассы про горе, постигшее Сёмочкина, да только у той были инструкции - вкладов не выдавать.

Так что Димка остался в райцентре, а Сёмочкин скорым шагом направился в свое село Урядино, имея в кармане сберкнижку, но не имея ни рубля денег.

Пришел к вечеру, потому как попутных машин не было, а председатель колхоза, проезжая мимо, не мог посадить Сёмочкина в свою, заграничного дела, машину. Да и Сёмочкин постеснялся протянуть поперек дороги руку. Кто он такой и кто председатель? Да и машина вон

какая, вся блестящая, как чайник, который был подарен лет десять тому назад Сёмочкину на седьмое ноября. Председатель же Пал Палыч, если что и подумал, проезжая мимо бредущего Сёмочкина, так только одно - раздражение по причине праздношатающегося человека в рабочее время и удивление, что эта заразная болезнь дошла и до Сёмочкина.

Впрочем, мог и ничего такого не думать, он мог просто спать на заднем сидении своей мягко идущей машины и видеть какой-нибудь завлекательный сон. Мужчина он был еще видный и потому вполне имел право смотреть завлекательные сны, тем более что по большому, японскому телевизору в собственном кирпичном доме с балконом и мезонином он видел разные обнаженные женские фигуры и не только.

Сёмочкин вошел в свой дом, наполненный скорбным народом, словно в чужое помещение. Соседки мать обрядили и в гроб положили, так что дело оставалось только за ним, то есть за деньгами. Когда он рассказал о случившемся с ним в районе, то стали соображать, как тут быть.

«Вот что я надумал, Василий, - вымолвил наконец, Черепухин после долгого молчания, - надо бы тебе коровку, того... - он чиркнул себе по горлу. - Мясо нынче в цене. А пока складчину соберем и займы дадим».

Жалко было Сёмочкину корову, ласковая была, но что поделаешь, нужно же схоронить тело

матери. Черепухин собрал деньги, купил водки, распорядился отрубить трём курям Сёмочкина головы, сам же Сёмочкин в таких вопросах участие не принимал, а сидел в изголовье гроба и только кистями рук всё время двигал. Так и просидел всю ночь до утра, а с утра до обеда, пока гроб выносить не вздумали.

И вот, когда гроб подняли с табуреток, тогда и Сёмочкин встал. Встал и вдруг громко и неприлично засмеялся. Очень он своим смехом всех огорчил, подумали - человек от горя умом тронулся. Но Сёмочкин смеялся потому, что слезы нынче стали дороги, а смех дешёв, но он никому не сказал этого, а если бы и сказал, то никто не понял бы такой ход его мыслей.

Прожил Сёмочкин после этого случая три года и похоронен был рядом с матерью, а дом и усадьба его перешли, как безхозные, зятю Черепухина. И правильно, под одну усадьбу можно всё подвести, да и потратился Черепухин на похороны Сёмочкина.

2001 год

ВАСЯТКА

Пятилетний Васятка выскочил на пригорок и заплясал на большой плите черного камня. От мерзлой земли и снега ступни ног свело. До этого траверза, идущего рядом с железнодорожным полотном, мальчонка скакал, как заяц от проталинки до проталинки, а

то и по щиколотку проваливаясь в ноздреватый, рыхлый снег.

Подолшвы Васятки за зиму стали тонкими, нежными и ледышки, которые попадались в снегу, вызывали боль, но Васятка на боль не обращал внимания. Если на все обращать внимание, то будешь сидеть с утра до ночи на русской печи, а русская печь надоела ему за долгую зиму.

Большими черными глыбами камня, было выложено основание железнодорожного моста через речушку Базанчу. Васятка помнил прошлую весну, когда «взрывали заторы» потому, что жил на берегу этой речки и взметнувшиеся к небу фонтаны льда, падали на тесовую крышу его избы, а глыбы льда долго таяли в ограде и огороде. Взрывы бухали так, что закладывало уши, но все равно было интересно и Васятка, предоставленный сам себе, смотрел, как взывали лед, сидя на пороге бани, пока ледяная глыба не плюхнулась у его ног.

Камень был теплым, но не очень. О том, что «черные камни» бывают теплыми и даже горячими - это Васятка знал еще по опыту прошлого лета. На этих камнях было хорошо греться, накупавшись в холодной горной речушке, Базанче, или в Мундыбаше, потому, что мост, хотя, и сделан через Базанчу, но Мундыбаш протекал рядом в двадцати метрах от него.

Летом, в этих камнях жили большие зеленые

ящерицы, хотя и мелких, серо-черных было полно. Взрослые мальчишки ловили их, но только если ящерку поймать за хвост, то хвост отрывается и смешно дрыгается, словно хочет догнать ящерку, но у хвоста нет глаз, и он не знает, куда бежать. Без глаз никуда не побежишь - это Васятка знал точно, потому что видел слепых на железнодорожной станции. Они ни куда не бегали, а только сидели и просили хлебушка. Васятка и сам не прочь был пожевать хлебушек, только его в доме не было, а была вареная картошка.

А вот толстые змиюки-гадюки, те ползли из болот на железнодорожную насыпь погреться, и потому мама боялась, что они могут ужалить Васятку. Зря боялась; дедушка сказал внуку «заветное слово», которое никому, никому нельзя «сказывать» и гадюки только устрашающе шипели на мальчонка, когда он нечаянно подходил к ним близко.

Только это слово нужно говорить, когда приходишь к «гадючьему дому», потому что в «заветных словах» так и сказано, что «я иду к вашему дому». А дом у них везде и потому дедушка сказал, чтобы он просил у них разрешение всегда, когда убегает с ребяташками играть. Однажды, он наступил гадюке на хвост, она ударила Васятку по ноге, и он упал, но гадюка, злобно шипя, уползла. Очень было страшно, очень! А гадюка была здоровенная, толщиной в его руку.

Вот Кольку, что старше Васятки и уже учился во

втором классе, гадюка цапнула за ногу. И еще, мама сказывала, прошлым летом, другого цапнула. Колька-то поболел, поболел, да выздоровел, а того, другого, «выздороветь не смогли».

Васятка тоже, однажды, болел и видел, как его болезнь прыгала по стенам и потолку большими, в целую ладонь, пауками. Пауки были черные, как уголь, который горит в паровозе, или как этот камень, на котором он стоит. И мама говорила, что он - Васятка, «горит». Болезнь называлась «корь». С той поры Васятка знал, что «корь» – это на самом деле большие, черные пауки, которые скачут по стенам и потолку, по одеяльцу.

Пауков Васятка с той поры, невлюбил, но мама говорила что паучки - к счастью. Какое же счастье, если «корь» и «горишь»?

Мальчонка вспомнил прошлое лето, пока отходили сведенные холодом ноги, и ему захотелось, чтобы оно скорее пришло. Летом хорошо потому, что растет «колба» и «петушки». Можно накопать «кандыка» и «саранок», можно пожевать «медуницу», а там «пучки», «пекана», ягода всяка разная... Хорошо летом! Сытнс не то, что зимой.

Прошлым летом Васятка еще не умел плавать, но этого и не нужно было уметь потому, что летом воды в речке было, как говорил отец, «воробью по колено». Он просто ложился на гальку в двух шагах от берега и горная вода набегала на него, перехлестывая через спину.

Взрослые ребята купались под мостом, где было «с ручками», но туда Васятка не ходил, не зачем, когда и так хорошо.

И еще, Васятка любил сидеть на гальке в воде и смотреть, как красноперые рыбки, не больше пальца на руке отца, щекотали его ноги и даже попку. Взрослые мальчишки ловили их марлевыми тряпками, приносили домой. Они выдавливали из них «кишки», а мамы, порубив сечкой в корытце с луком и укропом, делали из них вкуснятину - котлеты.

Сейчас, на дворе был еще апрель, и большие черные камни еще не вобрали в себя столько тепла, чтобы отогреть ступни ног у мальчонки. Он поплясал на них и метнулся к железнодорожному полотну.

Васятка знал куда бежал, мужественно преодолевая преграды оставленные зимой. Если пробежать с полкилометра вдоль железнодорожного полотна, то будет тупичок, а в том тупичке стоят красивые зеленые вагоны - «эшелон».

Это мама так говорила - «эшелон». В тех вагонах живут офицеры. Офицеры - это такие дяди, у которых много самых интересных вещей. Они воевали, как его папа, с фашистами, но папа не офицер, а солдат. Все это объясняла ему мама, в то лето, когда он с ней и папой ходили к офицерам.

Офицеры полюбили Васятку, и он ходил к ним, хотя мама ругалась и очень боялась, что Васятку могут украсть.

Этого мальчонка не понимал, а офицеров любил потому, что они давали Васятке «колотый сахар». Колотый сахар был тверд, как камень, и если грызть его ночью сухим, то видно как от зубов проблескивают искры. Это свойство сахара давать искры, открыл для Васятки соседский пацан, Вовка, который все знал, потому что ходил в школу.

Когда Васятка принес в кармане большой, в полсвоего кулака, кусок сахара, то Вовка сказал ему: «Хочешь, я покажу тебе фокус?»

Васятка не знал, что такое «фокус», теперь-то он знает, что фокус, это когда грызут сахар под одеялом и между сахаром и зубами пролетают голубые искры, точно такие же, если тереть друг о дружку «белые камни». Именно белые, потому что «черные камни» дают искры, когда ударяют ими по головке железнодорожных рельс. Васятка пробовал, но у него не получалось. Большие мальчишки сказали, что тут нужна «сноровка», а вот искры из «белых камней» Васятка умел получать. Он всю зиму этим развлекался, только «белые камни», когда их трешь, пахнут плохо, словно вату жгут. Вату жечь Васятка пробовал, но больше не хочет, потсму что мама исхлестала его березовым прутом из веника.

Вовка грыз под одеялом Васяткин сахар, и тот мог сколько угодно наблюдать этот фокус, пока сахар не кончился. Сахара было жалко, потому что он сладкий. Конечно, «кандык» тоже сладкий и «медуница», но куда им до сахара!

Сахар хоть и твердый, но если его подержать во рту, то он пропитается слюной и раскрошится на мелкие «сладчатины».

Как же ему не бежать за таким лакомством? Да и кто бы не побежал на его месте?

Однажды Васятка изгрыз и иссосал полбуханки черного, замороженного до звона, хлеба. А отец удивился: «Это же надо? И куда в такого шкета столько влезло?» Влезло бы и больше - это Васятка точно знал, да мать отобрала, и сказала: «Это бог знает что!»

Очень Васятке понравилось эти слова. Он их запомнил и всегда, когда удивлялся чему-нибудь, говорил тоном мамы: «Это бог знает что!»

Взрослые смеялись и говорили маме: «Какой у тебя смышленный парнишка растет».

Быть «смышленным» и удивлять взрослых нравилось Васятке, потому что тогда они становятся добрыми. Но взрослые люди не всегда удивлялись и однажды, Васятка получил по губам и совершенно ни за что.

Это было еще в прошлое лето, когда мама сказала отцу: «Опять ходил к этой бляди, Наташке?»

Васятка был дружен с тетей Наташей и не понимал, почему мама сердится на папу и на тетю Наташу? И еще, он не знал, что тетя Наташа - «блядь» и как было не спросить об этом, когда она пришла в их избу за спичками?

- Тетя Наташа, а ты блядь? - спросил Васятка и тут же получил от мамы по губам. Вот тетя

Наташа, Васятку по губам не била, а только хохотала: «Ой, не могу! Ой, умру!

- Да, блядь я, Васятка, блядь отчаянная!»

Папа тоже смеялся, а мама сердилась и называла всех дураками и еще «похабниками». Васятка понял, что «бляди» - это веселые и добрые тети, как тетя Наташа, только говорить об этом нужно так, чтобы мама не слышала, не сердилась и не била по губам.

На следующий день, когда тетя Наташа пришла к ним, он улучил момент, мать вышла в сенцы, подошел к ней и сказал: «Тетя Наташа, ты блядь, но про это я никогда, никогда не скажу при маме, только когда ты одна, буду говорить»...

Она засмеялась, схватила его и прижала к своим грудям. От грудей тети Наташи пахло вкусно, но не молоком, как от другой тети, тети Лиды, маминой сестры. Тетя Лида кормила грудью его двоюродного брата, и Васятка видел, что из груди у тети Лиды «идет молоко». Тетя Лида сказала: «Это, Васятка, твой двоюродный брат, Юра».

Ну, брат так брат, а что с ним делать? Он еще только ползает. С ним ни в прятки, ни в «считалочку» не сыграешь.

А тетя Наташа хорошая, хотя и не мама. Она любит Васятку. Он это чувствовал. Васятка рано начал «чувствовать», еще, когда этого слова не знал. Это опять мама сказала: «Ты за километр чувствуешь, когда я хлеб пеку».

Еще бы не почувствовать! Когда отец полмешка

муки привез, и мать олады кислые принялась печь, еще как почувствуешь!

Но тогда, тетя Наташа посмеявшись вдоволь, шепнула ему на ухо: «Никогда, никогда Васенька так не называй тетей. Они не любят, когда их так называют».

Васятка хотел с ней поспорить, спросить почему «не любят», ведь она сама говорила, что она «блядь отчаянная», но вошла мама, а при маме разве поспоришь? А потом охота спорить пропала, раз тетя Наташа говорит - не надо, то и не надо. Поди, разберись во взрослых?!

Сегодня, как всегда, мама ушла на работу и потому мальчонка полностью предоставлен своей воле. А отца, с прошлой осени, у Васятки, не стало. Пришли дядьки в алых, как кровь, не солдатских и даже не в офицерских погонах, и увели васяткиного отца. Васятка хорошо, на всю жизнь запомнил эти погоны и люто, до обморока ненавидел этих дядек потому, что они уводят отцов. Васятка знал, что этих дядек называют - НКВД. Он это подслушал, хотя мама с тетей Лидой говорили шепотом.

Тетя Лида, мамина сестра, шептала маме, что нужно «отречься», а мама почему-то «отрекаться» не хотела и тетя Лида назвала маму - душой. Из этого, мальчонка сделал заключение, что «дуры» - это такие мамы, которые не «отрекаются». Как нужно «отрекаться» и что это такое, Васятка не знал,

а спросить не у кого. У мамы спросить боялся, потому что мама всегда говорила, что подслушивать и подглядывать не хорошо, и грозилась, что «даст по заднице». А тетю Лиду не спрашивал, потому что она назвала маму - «дурой», а так называть нельзя, это и дедушка ему говорил. И другие слова говорить нельзя, потому что - «боженька за язык подвесит». Васятка все «другие слова» знал, но не говорил, потому что маленький и боялся боженьку. Только дяди и тети не боятся «боженьки», потому что они взрослые, а взрослые никого не боятся, кроме НКВД.

Этой зимой, отцовых сапог в доме не было, больших сапог, вкусно пахнущих дегтем. В прошлую зиму Васятка, чтобы сбегать «доветру», влазил в отцовы сапоги, правда, голенища упирались в пах и, приходилось волочить ноги, а голенища держать руками. Особенно тяжело было спускаться с крыльца, но зимой доветру не сходишь без обуви.

Отец ругался и говорил, чтобы Васятка надевал мамины чуни, когда бегают «до ветра», но в чунях было еще хуже, потому что ноги то и дело выскакивали из чунь. «Выбегали», как говорил Васятка.

За что увели отца - этого Васятка не уразумел. Мать три дня волосы на себе рвала и говорила всякие страшные слова о смерти. Было жутко, так жутко, что Васятка подумал, что нужно умереть, уйти к боженьке. К боженьке ушел его дед. Он все время говорил Васятке, что скоро

уйдет к боженьке. С дедом хорошо. С дедом не страшно, а с мамой, которая «рвет на себе волосы» - страшно. Так страшно, что умереть не страшно.

И еще, дедушка рассказывал ему сказки, но отчего-то не страшные, а смешные про «вятских», а отец, если не ругался, то рассказывал страшные, про чертей и бабу-ягу.

Когда мама плакала и хотела умереть, тетя Наташа пришла к ним, в избу, и увела к себе Васятку, хотя мама кричала: «Не бери! Не дам! Мы с ним вместе помирать будем».

И тетя Наташа сказала маме: «Дура! Ни хрена с тобой не случится, а мальчонку перепугаешь своей истерикой».

Мама была страшная, как ведьма из сказок папы, и пальцы на руках были страшные, как петушиные когти, она ими царапала себе лицо, но все равно Васятка её любил, и хотел умереть вместе с мамой. Он тогда тетю Наташу не любил, потому что она на маму кричала и, наверное, мамины, страшные пальцы, назвала «истерикой». Истерика - это когда мамы становятся страшными, как ведьмы из сказок, только ведьм никто не любит, а мам - любят.

А тетя Лида не пришла за Васяткой. Тетя Наташа сказала, что она, «тетя Лида, боится НКВД, а она, тетя Наташа, НКВД не боится».

Не боится, наверное, потому, что тетя Наташа «отчаянная блядь», только она не хочет, чтобы ей об этом говорил Васятка.

Теперь, когда зима прошла, и солнышко

припекло, и можно добежать до заветного «эшелона», Васятка вовсе не хотел идти к боженьке. Когда дедушку в землю закапывали, он видел что у боженьки темно, сыро и страшно, а вовсе «не светло и ласково», как говорил дед. Взрослые всегда говорят так, чтобы непонятно было, да еще и сердятся.

Редко говорят о самом главном, а главное, по мнению Васятки, заключалось в хлебушке и сахаре.

И еще, Васятка умел петь песни и умел читать «длинные стихи». Что стихи, то это сказала тетя Лида. Она была учительницей и все на свете знала. Вот, когда Васятка подрастет, тетя Лида будет его учить, как других она учит, а пока она читает Васятке стихи, а стихи – это когда складно. И опять, что «складно», сказала тетя Лида, а ему просто нравились стихи, и песни, которые тоже как стихи, но протяжные и жалостливые.

Васятка, когда пел, то плакал, а когда читал стихи, то не плакал, потому что стихи не плачут, а песня плачет. Но это неправда, что стихи не плачут, это потом Васятка понял, что стихи тоже «плачут», но понял, когда пошел в школу и научился читать, а сейчас он этого не знал.

Когда приезжали чужие дяди из Таштагола, «проверить тетю Лиду», то они заночевывали в избе тети Лиды и пили там водку. А когда водку, у тети Лиды пьют, то она зовет маму и папу. А где мама и папа, там и Васятка. Тогда его

просили читать вот это стихотворение: «Камень на камень, кирпич на кирпич, умер наш Ленин Владимир Ильич».

Дяди были строгие, но Васятку хвалили и маме говорили, что она «правильно воспитывает мальчонку».

Только Васятка не понимал, как проверяют тетя, но догадывался, что это как-то связано с кирпичами и камнями, и с тем, кого называли - «дедушка Ленин».

У тети Лиды в избе висел портрет дедушки Ленина и дедушки Сталина, а в школе было полно «портретов вождей».

«Вожди - это дяди на портретах, и они все время думают о Васятке, о тете Наташе и всех-всех!» - Так ему говорила тетя Лида, правда про тетю Наташу она не поминала, это уж сам Васятка так подумал. Ему страсть как хотелось, чтобы вожди не забывали о тете Наташе. Только тетя Наташа рассердилась и сказала: «Пошли они в жопу!»

Так говорить плохо, за это по губам бьют. Сама же говорила: «Ты Васятка плохих слов, которые я говорю, не запоминай, мало ли что с языка у взрослых срывается».

Трудно это понять, что «сорвалось с языка», а что нет. Так трудно, что не поймешь, шутят с тобой или не шутят?

А в избе Васятки таких портретов не было, кроме «портрета» боженьки, но его называли - икона. Дедуля, перед иконой на колени становился и что-то говорил боженьке, но

разобрать что, было нельзя, потому что он говорил быстро и тихо.

Когда папы дома не было, дедушка рассказывал Васятке про «молитву», но она была непонятная, хотя Васятка запомнил и её, как запоминал все, что его просили и даже требовали запомнить, как дедушка «Иисусову молитву» или «слово против змеюк». Вот только стоять на коленях он не хотел. На коленях стоять неудобно и больно.

И еще дед, рассказывал ему о боженьке, который все «видит», и все «слышит», и Васятка боялся боженьку, хотя дедушка говорил, что он добрый и милосердный. «Добрый» - это понимал Васятка, как тетя Наташа, а вот «милосердный» - не понимал, хотя дедушке вовсе не нравилось, что он сравнивал боженьку с тетей Наташей. Он её называл - «блудница».

Отец Васятки ругался с дедом и говорил, что тот «сбивает мальчонку с толка». Дедушка виновато улыбался, и Васятке было жалко деда - он добрый, и ничего, если «сбивает его с толка», можно ведь и потерпеть. Сам же отец, когда сильно хотелось кушать, говорил: «Потерпи».

А сейчас Васятка знал длинное-предлинное и сказочно-непонятное стихотворение и оттого страшное. Но Васятка любил страшное, если оно сказочное.

Там, в «эшелоне» его просили прочитать именно это стихотворение, длинное. И тогда Васятку ставили на табуретку, чтобы всем было

видно, и он начинал читать «с выражением». «У Лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том...»

Иногда, он хотел понять, что такое «лукоморье» и море, и много чего другого. Ему объясняли, но от этих объяснений у Васятки была полная путаница в голове. Разве может быть вода и вода «сколько глаз хватит»? Глаза-то вон куда «хватывают», а если еще на черемуху старую забраться? И что же, до самой, что ли горы, все вода и вода? С боженькой не понятно и с морем непонятно. И вообще ничего не понятно, когда взрослые начинают объяснять.

Правда, Васятка не мог долго думать об одном и том же, скучно и все равно ничего не понятно, потому и думал обо всем понемногу. Например, о том, отчего рельсы горячие, а шпалы между рельсами холодные?

Эта мысль пришла ему сейчас, когда он встал на головку рельсы и, балансируя на ней, направился в сторону эшелона. Когда нога срывалась с рельсы и попадала на шпалу, то было ноге холодно, а на рельсе тепло.

«Это потому, - думал Васятка, - что по рельсам ходят паровозы, а по шпалам не ходят. А паровоз; вон какой - горячий! Там тспка и в ней «уголь горит».

Васятка видел паровоз и когда стоит, и когда проносится рядом с домом, и окна от него дребезжат. «Он дышит паром», - это Васятка сам видел и не раз. Как дыхнет, дыхнет, аж, все в пару. И свистит паровоз паром, потому

что им дышит. Кто чем дышит, тот тем и свистит».

И для того, чтобы подтвердить это умозаключение, Васятка всунул в рот два пальца, набрал воздуха побольше и свистнул. Пусть не так громко, как свистят паровозы и взрослые пацаны, но все равно это был самый настоящий свист, а не «пшик», как говорил папа. А папа умел свистеть так, что больно было в ушах, потому дедушка называл папу «соловей-разбойник». И тоже непонятно. Сам же дедушка говорил, что соловей - это такая маленькая, серенькая птичка наподобие воробья, только «похудее будет» и она поет «сладко и звонко». А разбойник - это дядька с топором в руке и людей убивает, а свистит для того, чтобы испугать. Так размышляя о том, о сем, Васятка добрался до «эшелона».

У «эшелона», на «самокатке», сидел безногий солдат. Васятка его раньше не видел, наверное, приехал из Сталинска. Из Сталинска всегда приезжают калеки. Так говорила мама и тетя Наташа. «Самокатка» была на блестящих колесиках. Васятка знал, - это подшипники, из них достают круглые блестящие шарики. Эти шарики - «биллиард». Правда, Васятка с трудом выговаривал это слово, ну и что из того? Зато он видел, как по ним ударяют специальной палкой и шарики - «трах!» - разлетаются в разные стороны. Вот если бы он был повыше, то и он мог бы ударить палкой по шарикам, а так, только смотрел.

Вот тоже, говорят: Сталинск - это большущий город, и дома повыше будут, чем пихта возле сельсовета. Разве могут быть такие дома? Сельсовет-то, вон какой, «двухэтажный»!

Солдат был интересный, еще и потому, что в руках его был диковинный инструмент в два раза больше, чем гармошка у дяди Семена. Васятка направился к нему: «Это что? Гармошка такая? - спросил Васятка калеку.

- Нет, малец - это аккордеон, - сказал безногий.

- А на нем песни играют? - спросил Васятка, протягивая грязные, в цыпках, ручонки к блестящим металлом бокам инструмента.

- Играют, малец, - и калека отстегнул застежки.

- Сыграть что ли? - спросил он.

- Сыграй, дяденька, а я тебе спою, - и Васятка с ходу затянул: «Как по речке по пескам, по большим протокам...»

И в детский, не окрепший, пронзительный дискант вплелась мелодия аккордеона. Из окон вагонов стали высовываться люди в офицерской форме.

- Никак Васятка прибежал? Оклемался от зимы-то. Эй, Васятка, иди к нам! - крикнули из окна.

Но как уйдешь от такого блестящего чуда, от завораживающего беганья пальцев по длинным белым и черным палочкам? От этих звуков?

«Хорошо поешь, сердцем, - сказал безногий. - Давай я тебе спою, малец, свою песню, вот и будем квиты».

Калека поправил ремни аккордеона. Звякнули о

металл инструмента его ордена и медали, поглядел куда-то выше головы Васятки, и поглядел так, что Васятка обернулся. Он хотел увидеть, на что смотрит калека, но там не было ничего, кроме кочкарного болота, на котором уже появились проростки колбы, но отсюда их не увидишь, потому что они маленькие. Васятка вчера хотел сходить, благо болото было всего в пятидесяти метрах от избы, но побоялся застудить ноги. Там ведь нет ни рельсов, ни камней, чтобы согреться.

Между тем, безногий солдат развернул меха и запел свою песню: «Торфяною, тяжелой водой, что не видела света дневного, мы обмыли тебя, дорогой и зашили «цыганской иглой» в серый саван сукна фронтового. Ни на крест, ни на гроб деревца, не найти в той проклятой округе, Командира хороним, отца, под молитву суровую вьюги...»

Васятка стоял и плакал, и не заметил, как возле безногого солдата собрались офицеры из «эшелона». Когда песня кончилась, кто-то сказал: «Спой еще раз, гвардеец». И к ногам калеки упали несколько мятых рублей.

Во второй раз, голос Васятки нет-нет, да вплетался в тенор калеки и вплетался не просто, а именно в тех местах, где у солдата не хватало дыхания вытянуть самую жалостную ноту. И никто ему не сказал, как отцу, что «он своим голосом портит песню».

Только вечером, всполошенная мать забрала Васятку, сонного от солдатской еды и наевшего

вдоволь сахара.

С той поры эта песня стала самой любимой песней Васятки из всех его песен, даже «как по речке по камням», была отодвинута на второе место.

Тетя Наташа, «блядь» и «блудница», часто просила Васятку: «Спой мне про командира, что-то плакать охота». И Васятка был рад спеть, тем более просила Наташа.

С той поры прошел год, и однажды, уже следующей весной, Васятка увидел, что люди куда-то бегут по высокой грейдерной дороге. И тетя Наташа бежала. А по этой дороге - это Васятка знал точно, прибежать можно только в сельсовет. Конечно, место у сельсовета достойно того, чтобы туда бежать, хотя бы потому, что там, на столбе, висит радио - большая черная тарелка и говорит человеческим голосом, а иногда играет и поет. Правда поет веселые песни, а веселые песни Васятка не любит, но все равно интересно.

Утерпеть и не побежать вместе со всеми было невозможно, и потому Васятка припустил вслед за тетей Наташей. Мама не бежала, потому что была на работе.

Столько народу возле столба, на котором радио, еще ни разу Васятка не видел, и самое главное, самое страшное, что все стояли и молчали, а по радио играли музыку, и музыка была невеселая, а такая, как песни, которые нравились Васятке.

Он подергал за полу тетю Наташу, и когда та

наклонилась к нему, он спросил: «Отчего играют такую грустную музыку?»

Она прошептала ему: «Сталин умер».

А потом вышел дядька из тех, что папу уводили, и сказал громко: «Товарищи! В наш дом пришло горе. Горе великое и непоправимое, сегодня скончался наш вождь, Иосиф Виссарионович Сталин. Снимем товарищи, головные уборы в знак нашей скорби».

Он еще что-то говорил, но Васятка многого не понял, только страшно и тревожно стало ему. Он потихоньку, потихоньку ушел от этого радио и от дядьки с алыми погонами на плечах.

А через месяц из «лагеря» пришел отец, потому что умер Сталин, а Васятке исполнилось шесть лет, и он, осенью, пошел в школу в собственных кирзовых сапогах. В сапогах, как у отца, но, конечно, меньше.

Тогда Васятка понял, что когда умирают вожди - отцы приходят из лагерей. А тетя Наташа уехала в свой Ленинград, и вся «изрыдалась» вместе с Васяткой.

В школе был урок пения, но тетя Лида, мамина сестра, почему-то не хотела Васяткиных песен и строго настрого запретила ему петь свои песни.

Она сказала: «Нужно петь не свои, а общие, хоровые».

И они пели «Интернационал» и «Гимн Советского Союза». Песни были хорошие, громкие, но свои Васятке нравились больше,

потому что жалостливые. Да и сам Васятка рос жалостливым, а жалостливых в школе бьют. Васятку били.

«Нужно уметь давать «сдачи», - говорил отец и страшно сердился, что Васятка не умеет давать «сдачи».

Если бы Васятка тогда знал, что жалостливых бьют не только в школе, то, наверное, снова захотелось бы ему, чтобы «боженька забрал к себе», ведь там дедушка? Дедушка никогда не говорил, что «нужно давать «сдачи» потому, что «добрые люди сдачи не дают». Добрее дедушки не было. Но к счастью, Васятка не знал, что взрослым еще хуже, если они не умеют давать «сдачи», да к тому же, после зимы всегда приходила весна, а за ней лето, а кто же весной или летом, когда нет школы, захочет «уйти к боженьке»?

2002 год. Май.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖИТИЕ СТРАННИКА.....	3
СМЕРТЬ МАТЕРИ.....	28
ВАСЯТКА.....	38

Литературно-Художественное издание

Михаил Петрович Анохин

СМЕРТЬ МАТЕРИ

Редактор Л. Козлова
Оформление обложки Л.Козлова.

САМИЗДАТ

Пр. Ленина 33 кв 63 г. Прокопьевск

Формат А5

Гарнитура Times New Roman

Бумага офсетная N1

Тираж 50 экз

РАШОВОПНАЯ
50 р.

